

УДК 811.512'373

**ТАТАРСКИЕ МУЖСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА КОНЦА XVI –
НАЧАЛА XVII ВЕКА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(по материалам писцовых книг Казанского уезда
(1602–1603, 1647–1656 гг.))**

Г.С. Хазиева-Демирбаш

Аннотация

В статье представлен диахронический анализ мужских личных имен конца XVI – начала XVII в., которые еще не становились объектом специального изучения в татарской антропонимии. На материале писцовых книг Казанского уезда рассмотрены словообразовательная структура, семантика и этимология татарских мужских имен тюркского и арабского происхождения. Предложена лексико-семантическая классификация последних. Показано, что в связи с социокультурными изменениями рассматриваемого периода (в частности, христианизацией) многие мужские имена подверглись фонетико-грамматической адаптации.

Ключевые слова: историческая антропонимика, личные имена конца XVI – начала XVII в., писцовые книги, диахронический аспект, фонетико-грамматическая адаптация.

Историческая антропонимика представляет существенный интерес при изучении истории языка и этноса, взаимодействия антропонимикона с апеллятивной лексикой и позволяет не только восстановить раннюю антропонимическую картину, но и определить время проникновения языковых элементов в именную систему. «В науке об истории человечества имеется много неясных, “темных” мест. Из-за отсутствия фактического материала (исторические документы, археологические находки) иногда целые столетия в жизни какого-нибудь народа не имеют удовлетворительной исторической интерпретации. Восполнению этого недостатка служит ономастика. Правильно проанализированные имена приведут историка на прародину этого народа, расскажут о контактах с различными этнолингвистическими группами и о многом другом» [1, с. 16]. Мужские личные имена, передаваясь из поколения в поколение, становятся своего рода историческими памятниками, с помощью которых можно проследить историческое развитие языка, социально-экономические и культурные изменения в жизни человека, народа и общества. Многие современные имена могут быть выявлены в старинных документах, в шеджере в своей первоначальной форме, отражающей социальные отношения древности и особенности быта древних людей.

Личные имена сохранились в исторических памятниках, а именно в писцовых книгах определенного периода, которые не только представляют особую

важность в плане историографии, источниковедения, но и содержат ценные для исследователей исторической антропоники материалы. Ономастолог А.В. Суперанская подчеркивает, что «летописи, буллы, разрядные и писцовые книги и т. п., служащие важными документами для изучения древней и новой истории, оказываются в то же время неисчерпаемыми источниками для ономастических исследований» [1, с. 17]. Интерес представляют татарские мужские личные имена, претерпевшие в процессе своего исторического развития значительные изменения: исторические комбинаторно-позиционные изменения в гласных и согласных звуках, трансонимизация в топонимы, в фамилии и т. п., – и являющиеся праосновой для всех ономастических единиц. По этой причине исследование мужских личных имен в диахронии является наиболее важным в антропоники науке.

Изучению татарских личных имен посвящены работы известных татарских ономастологов Г.Ф. Саттарова [2], М.И. Ахметзянова [3], Г.Р. Галиуллиной [4] и др. В этих исследованиях отражены основные вопросы, касающиеся функционирования и изменения именника татарского народа. Но все же данная тема и в целом проблемы исторической антропоники остаются весьма актуальными и требуют дальнейшей разработки.

Целью настоящего исследования является анализ в диахроническом аспекте татарских мужских личных имен конца XVI – начала XVII века, в которых нашли отражение социально-экономические и культурные изменения эпохи. Источниками языкового материала послужили писцовые книги 1602–1603 гг., 1647–1656 гг.¹ (ПК1, ПК2).

Конец XVI – начало XVII века в истории татарского народа характеризуется весьма противоречиво. «В политике царизма к нерусскому населению Среднего Поволжья важное место занимала политика русификации, находившая свое наиболее полное выражение в христианизации. <...> Материалы писцовой книги дают наглядную картину если не самой христианизации, то ее ближайших последствий и проявлений» (ПК1, с. 11), в том числе в антропоники татарского населения. Христианизация личных имен осуществлялась путем замены национального имени христианским либо путем фонетической и грамматической адаптации имени с учетом специфики строя русского языка.

Замена национального имени на христианское могла осуществляться как формально, так и неформально. Люди, принимая христианские имена официально, оставляли свои национальные имена для использования в бытовой сфере, но те, кто принял христианскую веру, окончательно меняли и имя. «Чувствуется, что служилое население описываемых земель в большинстве своем приняло христианизацию (что являлось одной из гарантий прочности полученных ими прав от царского правительства), а ясачное население в основном не принимало крещение. По именам служилых татар нередко можно определить отношение к христианской религии того или иного поколения. Часто служилые татары

¹ «Писцовые книги – сводные описания хозяйства в России XV – XVII вв. для податного земельного обложения – сошного письма. Регулярно начали составляться с XVI в., когда появился сам термин. Писцовые книги представляют собой первые опыты территориально-статистических описаний. Они содержат материал для характеристики положения крестьян, а также подробные описания отдельных городов, их укреплений, улиц, населения, городских земель, лавок, церквей...» [5, с. 568].

формально, а то и фактически возвращались к прежней вере, что отражается и на выборе имени. Например, *Якуш Иванов, Тохтар Иванов* и т. п.» (ПК1, с. 12). Также в писцовых книгах зафиксировано личное имя *Московко*, распространенное у служилых татар, которые принимали христианскую веру. Ср.: *Тойгилдин Московко, Уразлин Московко, Саботаев Московко* и т. п. (ПК2, с. 45).

Известно, что в результате осуществления политики христианизации образовалась отдельная конфессионально-этническая группа татар – крещеные татары, которая сформировалась «не только за счет христианизации казанских татар и мишарей, но и за счет нетюркского населения, вошедшего в состав татар в результате ассимиляции» [6, с. 12]. При освоении русских имен происходило приспособление их к татарскому произношению, то есть русские имена подчинились фонетико-грамматической структуре татарского языка (см. [7, с. 82–83]): Ибий – Иван, Учый – Осип, Урый – Ирина, Инук – Иннокентий, Микуш – Михаил, Митуш – Дмитрий и др.). Писцовые книги не отражают данные фонетико-грамматические изменения, так как имена крещеных записывались на русский лад: *Иван, Осип, Ирина, Иннокентий, Михаил, Дмитрий* и др. (ПК2, с. 78).

В писцовых книгах конца XVI – начала XVII в. нами выявлено всего 268 разных мужских имен тюркского происхождения и их вариантов. Многие имена в рассматриваемых источниках искажены: в транслитерации имен прослеживаются неточности, что в целом меняет фонетический облик личного имени. Необходимо отметить также, что все имена отражают русскую фонетическую и морфологическую адаптацию. Например, в ауслауте личные имена, в татарском варианте заканчивающиеся на звук [э], в русском варианте транслитерированы *-ей*: *Байгельдей < Байкилде; Теребердей < Теребирде; Тавгелдей < Таукилде*; уменьшительно-ласкательный суффикс *-кай* транслитерирован близким по звучанию суффиксом *-ко*, характерным для русских имен: *Айко < Айкай; Акко < Аккай*; в писцовых книгах отмечено также добавление патронимического суффикса *-ко* и к личным именам иной словообразовательной структуры: *Ишейко < Ишэй; Ишбулатко < Ишбулат; Теребердейко < Теребирде*. В писцовых книгах 1602–1603 гг. фонетическую и морфологическую адаптацию можно отметить значительно реже (ПК1) по сравнению с писцовыми книгами 1647–1656 гг. (ПК2), где все имена зафиксированы с изменениями.

Анализ материалов писцовых книг дает возможность полагать, что исконно тюркские имена составляют большую часть представленных в них имен, поскольку антропокомпоненты (АК) и антропоформанты (АФ) тюркского происхождения являются более продуктивными. Далее приведем АФ тюркского происхождения, которые достаточно широко используются в имятворчестве данного периода. Например, *Аллабирде < араб. Алла ‘бог’ + тат. бирде ‘дал’; Айтуган < тат. ай ‘луна, месяц’ + тат. туган ‘рожденный’; Байкилде < тат. бай ‘богач, богатый’ + тат. килде ‘пришел’; Кайбул < кай тат. ‘сильный, крепкий’ + тат. бул ‘будь’; Уразбакты < тат. ураз ‘счастье’ + тат. бакты ‘посмотрел’; Алмал < тат. ал ‘возьми’ + араб. мал ‘добро, имущество, скот’; Алмай < тат. алмай < алмый ‘не берет’ (то есть нечистая сила не возьмет); Исэнгилде < тат. исэн ‘живой’ + тат. гилде ~ килде ‘пришел’; Канморза < тат. кан ‘кровь’ + перс. морза ‘мурза’. Отглагольные антропонимы восходят к различным формам глагола, которые, субстантивировав в личные имена, претерпели заметное изменение:*

Туктамыш < *тукта* тат. ‘остановись’ + *-мыш* – формант результативного прошедшего времени изъявительного наклонения [8, с. 154], а также причастия прошедшего времени ‘остановившийся, остановился’; *Кармыш* ~ *Карамыш* < *кар* ~ *кара* ‘родиться’ + *-мыш* формант прошедшего времени ‘родился, рожденный’.

Обращает на себя внимание тот факт, что в писцовых книгах зафиксировано большое количество имен с антропоформантом *-иш*, который в переводе означает ‘пара, напарник, друг’. Обычно к использованию этого антропоформанта при имянаречении прибегали тогда, когда у родителей до этого не было детей, чтобы родившийся ребенок в дальнейшем стал товарищем, помощником: *Туиш* < тат. *ту* ‘родись’ + *иш* (возможно, это имя трансонимизировалось в фамилию *Туишев*); *Агыш* < тат. *аг* ~ *ак* ‘белый, невинный, чистый’ + (*и*) ~ *ыш*; в препозиции: *Ишкэй* < тат. *иш* + *-кэй* (уменьш.-ласк. форма); *Ишмәмәт* < тат. *иш* + араб. *Мөхәмәт* < *Мәмәт*; *Иштуган* < тат. *иш* + тат. *туган* ‘рожденный, родился’. В антропонимиконах всех тюркских народов зафиксированы личные имена с антропоформантом *иш*. В татарской антропонимике синонимом форманта *иш* является формант *тиң* – *Тиңдәш*, *Тиңтуган*, *Тиңәш*. Антропоформант *иш* употребляется в именах в препозиции и постпозиции, а антропоформант *тиң* зафиксирован только в препозиции. Антропокомпонент *иш* встречается в именах башкир, казахов, каракалпаков, а также носителей некоторых фино-угорских языков (марийцев, удмуртов). Следует отметить частотность употребления личного имени *Ишэй*, образованного от глагола *ишэй* ‘увеличивайся, прибавляйся’. Мотивом наречения этим именем является прибавление детей в семье.

В писцовых книгах данного периода зафиксированы также АФ цветообозначения, которые отражают мировосприятие древних тюрков. В изученных исторических документах встречаем такие имена, как *Акмурза* < тат. *ак* ‘белый, чистый невинный’ + перс. *мурза*; *Аксубай* < тат. *ак* + т. *субай* ‘солдат’; *Аксәед* < *ак* + араб. *сәед* ‘правитель’; *Алабай* < тат. *ала* ‘пестрый’ + тат. *бай* ‘богатый’; *Алакай* < тат. *ала* + уменьш.-ласк. суффикс *-кай*, то есть ‘пестренький’; *Карабай* < тат. *кара* ‘черный, могущественный’ + тат. *бай* ‘богатый’; *Карай* < *кара* + тат. *-ай* уменьш.-ласк. суффикс; *Кызылбай* < тат. *кызыл* ‘красный’ + тат. *бай* ‘богатый’; *Күкеш* < *күк* ‘синий’ + *-еш* – формант имени действия ‘недоношенный’. Антропоформанты цветообозначения впервые встречаются в словаре М. Кашгари «Дивану лугат ит-тюрк» (1072) и функционируют вплоть до середины XVII века.

В лексико-семантическом отношении особую группу составляют имена, в основе которых фиксируются физические данные ребенка: *Күчүк* (11 имен), *Кәтүк* (2 имени) ‘маленький, малюсенький’; *Тулыбай* < тат. *тулы* ‘полный’ + тат. *бай* ‘богатый’.

В писцовых книгах рассматриваемого периода сохранились тюркские имена *Көчек* ‘щенок’, *Кобәк* ‘большая собака’, *Барак* ‘собака’, восходящие к традициям именования кыпчаков, которым было «присуще почитание волка и собаки, которые, очевидно, считались прародителями кыпчаков, а их вождям приписывалась способность превращаться в волков – своего рода ритуальная ликантропия. Есть также сведения о принесении собак в жертву во время заключения

клятвы кровью» [9, с. 73]. Данные имена сохранились лишь в современных антропотопонимах [2, с. 90].

Слово *кобэк* претерпело ряд изменений: *köbäk ~ köbek ~ köpek* (ДТС, с. 317). Оно встречается во многих тюркских языках в одном и том же значении с небольшими отклонениями: в кыпчакских языках отмечена семантика ‘небольшая собака’, в огузских языках – ‘большая собака’. К апеллятивному слову *барак*, которое означает «собаку с лохматой и длинной шерстью», отличающуюся необычной стремительностью и ловкостью, считающуюся лучшей среди охотничьих собак (ДТС, с. 83), восходит собственное имя *Барак*. Имя *Барак* занимает почетное место в антропонимиконе туркмен, а также является лакабным именем правителя Ташкента Навруза Ахмета хана [10, с. 8]. У тюркских народов апеллятивное слово *Барак* встречается не только в антропонимах, но и в этнонимах и топонимах [11, с. 132]. Следует отметить, что апеллятив *барак* сохранился в диалектах, говорах современного турецкого языка [10, с. 11]. В исторических записках Марко Поло зафиксировано имя могольского принца, а также имя *Барак* известно как имя чагатайского завоевателя Туркменистана в 1269–1270 гг. [12, с. 318]. Данные имена сохранились в современных фамилиях *Кибяков*, *Кучугов*, *Бараков*.

В писцовых книгах прослеживается частотное употребление личных имен, которые в современном именнике сохранились в составе фамилий. Например, личное имя *Кудаш* происходит от древнетюркского *quda ~ qudaša* ‘сват’ или, как полагает Н.А. Баскаков, оно восходит к слову *qundaš*, которое означает ‘дети одного отца от разных матерей’ < *qun* ‘кровь’ + *-daš* – аффикс, указывающий на принадлежность к одному источнику – ‘брат по крови’ [13, с. 56]. Таким же способом образовано имя *Кардаш*, которое претерпело следующие фонетические изменения: *qardaš ~ qardeş ~ qardas ~ qaryndas ~ qaryndaš*. Оно означает ‘брат, братишка’ и встречается в большинстве современных тюркских языков. Ф.Л. Мазитова связывает этимологию фамилии *Кудашев* со словом *кудаш*, которое в казахском языке функционирует со значением ‘кривоногий’ [14, с. 163]. Мы придерживаемся точки зрения татарского ономастолога Г.Ф. Саттарова, который связывает этимологию личного имени *Кудаш* < *Кодаш*, зафиксированного и в башкирском языке, с древнетюркским словом *кот* 1. ‘душа, сила жизни’; 2. ‘счастье, успех’ (ДТС, с. 471) + *-аш/-иш* ‘ребенок’ [2, с. 115].

В писцовых книгах имя *Чулпан* зафиксировано как мужское, тогда как в современном антропонимиконе это имя является бинарным, но все же чаще всего употребляется как женское. Ср.: *Чулпан Тенкеев*, *Чолпанко Айтуганов* и др. (ПК1, с. 223–224).

Заметим также, что если в конце XVI века система именования татар состоит из имени и фамилии, то в начале XVII века в материалах писцовых книг встречаются (не во всех именах) и отчества: *Янбашин Булат Янбаев сын*, *Янбашин Сара Янбаев сын* (ПК2, с. 143).

Исламская религия оказала определенное влияние на антропонимическую систему тюркских народов. Безусловно, с ее принятием изменились обычаи, обряды и традиции имянаречения детей, отчасти были вытеснены или стали менее употребительными тюркские имена. Как отмечает К.М. Мусаев, степень арабизации не одинакова у тюркских народов. Интенсивное проникновение

арабских личных имен обнаруживается в языках тех народов, которые подверглись наибольшей исламизации: у турок, азербайджанцев, узбеков, татар, – менее заметным оказалось исламское влияние у киргизов, казахов, каракалпачков и др. [15, с. 206].

В антропонимической системе татар конца XVI – начала XVII в. активизировалось использование арабо-персидских имен. «Стремясь подчеркнуть национальную идентичность, религиозную принадлежность, татарский народ начал активно использовать арабо-персидские имена» [4, с. 122]. Как показывают данные писцовых книг, употребление имен арабо-персидского происхождения в конце XVI – в начале XVII в., по сравнению с антропонимическим реестром начала XVI в., в татарской антропонимической системе возросло. Зафиксированы такие имена, как *Бахтимер* < араб. *Бахт* ~ *бэхет* ‘счастье’ + т. *тимер* ‘железо’; *Дәүләт*, *Дәүләткилде* < араб. *дәүләт* ‘государство’ + тат. *килде* ‘пришел’; *Аллабирде* < араб. *Алла* ‘бог’ + тат. *бирде* ‘дал’; *Ходайбакты* < перс. *Ходай* ‘бог’ + тат. *бакты* ‘посмотрел’; *Ходайбирде* < перс. *Ходай* ‘бог’ + тат. *бирде* ‘дал’; *Ходайгол* < перс. *Ходай* ‘бог’ + *гол* ~ *кол* ‘раб’; *Янбай* < перс. *ян* ~ *жан* ‘душа’ + т. *бай* ‘богатый, богач’; *Янбулат* < перс. *ян* ~ *жан* ‘душа’ + перс. *булат* ‘сталь’; *Янбакты* < перс. *ян* ~ *жан* ‘душа’ + тат. *бакты* ‘посмотрел’ и т. п.

В татарском антропонимиконе конца XVI – начала XVII в. нами выделено две группы арабских мужских личных имен. В первую группу входят мужские личные имена, в основе которых лежат понятия, связанные с исламом; они образованы при помощи следующих антропокомпонентов и антропоформантов: *дин* ‘вера, религия’: *Бәдретдин* ‘полная луна веры’, *Фәйзетдин* ‘щедрость веры’, *Сиражетдин* ‘светоч веры’; *иман* ‘вера’: *Иманулла* ‘вера в Аллаха’; *ислам* ‘предание себя Аллашу’: *Исламнур* ‘луч ислама’, *Динислам* ‘вера в ислам’; *-улла/-алла* ‘Аллах, Бог’: *Фәйзулла* ‘превосходство Аллаха’, *Сәйфулла* ‘меч Аллаха’, *Садрулла* ‘великодушие Аллаха’, *Рәхмәтулла* ‘милость Аллаха’; *габд-/габде-/габдел-* ‘раб’: *Габделгазиз* ‘раб Могущественного’, *Габделәхәт* ‘раб Единого’, *Габделбакый* ‘раб Вечного’, *Габделвәли* ‘раб Святого’, *Габдулла* ‘раб Аллаха’, *Габделнәби* ‘раб пророка’ и т. д. Все 99 имен – эпитетов Аллаха являются мужскими: *Азамат* ‘величественный’, *Басыыр* ‘всевидающий’, *Барый* ‘творец, создатель’, *Вахит* ‘единственный’ и т. д. Отдельно выделены также имена, связанные с именем пророка Мухаммеда и его сподвижников, родных: *Мөхәммәт* ‘прославляемый’, *Мөхәммәтбаки* ‘Мухаммед вечный’, *Мөхәммәтнәби* ‘Мухаммед-пророк’, *Нурмөхәммәт* ‘луч Мухаммеда’ и т. п. Эпитеты, восхваляющие пророка Мухаммеда, отнесены в группу имен религиозного содержания: *Рәсүл* ‘посланник’, *Нәби* ‘пророк’, *Әмин* ‘доверенный, уполномоченный’, *Хәбибулла* ‘любимец Аллаха’, *Хәбибрахман* ‘любимец Аллаха’, *Сафи* ‘избранник, искренний друг’. К этой группе относятся имена, образованные от различных религиозных титулов: *имам* ‘предстоятель в мечети’ – *Имаметдин* ‘имам веры’, *Имамгол* ‘раб имама’; *шәех* ‘старец, духовный глава’ – *Шәехзаман* ‘духовный глава эпохи’ и т. д.

Вторая группа арабских мужских имен отражает материальный и духовный мир человека. Понятия, связанные с материальным миром, ценностями, лежат в основе следующих мужских имен: *Зиннәт* ‘дорогая вещь’, *Кандил* ‘лампа’, *Сираж* ‘свеча’, *Мисбах* ‘лампа’ и т. д. Имена, отражающие духовность человека,

объединены нами в семантические гнезда «наука, знание»: *Галим, Фәһим, Гыйлем, Фазыл*; «счастье, радость»: *Сәгадәт, Бәхтияр, Фәез*; «богатство, достаток»: *Дәүләт, Дәүләтхан*; «любимый, красивый»: *Әжмәсәлим, Хәбиб, Хушбулат*; «уважаемый, известный»: *Шәрәф, Шәһир, Әхмәт*.

В двусоставных именах редко употребляются два АК или АФ арабо-персидского происхождения. В двукомпонентных именах, как правило, один компонент тюркского происхождения, второй – арабо-персидского. Наряду с АК и АФ арабского или персидского происхождения в антропонимиконе конца XVI – начала XVII в. употребляются и их эквиваленты тюркского происхождения. Ср.: *Уразкилде* < тат. *ураз* ‘счастье’ + тат. *килде* ‘пришел’; *Бахткилде* < араб. *Бахт* ~ *бәхет* ‘счастье’ + тат. *килде* ‘пришел’. Встречаются также употребления персидского АК или АФ и его эквивалента арабского происхождения: *Ходайбирде* < перс. *Ходай* ‘бог’ + тат. *бирде* ‘дал’, *Аллабирде* < *Алла* ‘бог’ + тат. *бирде* ‘дал’.

Таким образом, изучение соответствующего языкового материала в диахронии позволило нам заключить, что писцовые книги дают наиболее полную информацию о истории татарского народа, о его быте, культуре, которая включает в себя и систему именования, традиции имянаречения.

Конец XVI – начало XVII в. является сложным этапом в истории татарского народа. «Изменение социального и национального состава населения края подготавливало условия вовлечения его в российский исторический процесс» [16, с. 2]. В этом процессе претерпели значительные изменения и личные имена. Христианизация шла в этом плане путем перемены национальных имен на крестильные имена или же изменения, русской адаптации национальных имен, что сопровождалось фонетической и грамматической интерференцией. Все же традиции имянаречения сохранили исконность и самобытность. По материалам писцовых книг, большая часть личных имен, функционировавших в конце XVI – начале XVII в., имеют тюркское происхождение.

Summary

G.S. Khazieva-Demirbash. Tatar Male Personal Names of the Late 16th – Early 17th Centuries in Diachronic Aspect (on the Material of Kazan District Land Cadastres (1602–1603 and 1647–1656)).

The paper presents diachronic analysis of the male proper names of the late 16th – early 17th centuries, which have never been the object of special study in Tatar anthroponomy. We consider the word-formation structure, semantics and etymology of the Tatar male names of Turkic and Arabic origin on the material of Kazan District land cadastres (pistsovye knigi). The lexical and semantic classification of the names of Arabic origin is suggested. We come to the conclusion that, as the result of social and cultural changes (conversion to Christianity in particular), many male names underwent certain phonetic and grammatical adaptations.

Key words: historical anthroponimics, personal names of the late 16th – early 17th centuries, land cadastres, diachronic aspect, phonetic-grammatical adaptation.

Источники

ПК1 – Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов / Под науч. ред. И.П. Ермолаева, М.А. Усманова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 239 с.

ПК2 – Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 2001. – 541 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Литература

1. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 368 с.
2. *Саттаров Г.Ф.* Татарстан АССРның антропотопонимнары. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1973. – 185 б.
3. *Әхмәтҗанов М.И.* Татар шәжәрәләре. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1995. – 125 б.
4. *Галиуллина Г.Р.* Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 352 с.
5. Большая энциклопедия: в 62 т. – М.: ТЕРРА, 2006. – Т. 36. – 591 с.
6. *Баязитова Ф.С.* Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1986. – 248 с.
7. *Баязитова Ф.С., Мухаметова Г.Ф.* Язык и культура: этнолингвистические исследования по татарским говорам региона юго-восточного Закамья Татарстана (чистопольский, мензелинский, крещено-татарские говоры): региональный этнодиалектологический словарь. – Казань: Алма-Лит, 2008. – 284 с.
8. Татар грамматикасы: Өч томда. – М.; Казань: Инсан; Фикер, 2002. – Т. 2. Морфология. – 447 б.
9. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар. – Казань: Школа, 2007. – 356 с.
10. *Saferoğlu A.* Türk onomastiğinde ‘köpek’ kültü // Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten. – Ankara, 1962. – S. 1–11. (*Джафероглу А.* Культ «собаки» в тюркской ономастике).
11. *Lezina L.N., Superanskaya A.V.* Bütün Türk halkları. – İstanbul: Selenge Yayınları, 2009. – 579 s. (*Лезина Л.Н., Суперанская А.В.* Все тюркские народы).
12. *Марко Поло.* Книга о разнообразии мира. – СПб.: Амфора, 1999. – 381 с.
13. *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. – М.: Наука, 1979. – 278 с.
14. *Мазитова Ф.Л.* Историко-лингвистический анализ татарских фамилий: Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1986. – 285 с.
15. *Мусаев К.М.* Тюркская лексикология. – М.: Наука, 1984. – 228 с.
16. Социально-экономическая и религиозная политика царизма в Среднем Поволжье во второй половине XVI – начале XVII вв. // История Татарстана / Ф.Х. Хузин, И.А. Гилязов, В.И. Пискарев, Б.Ф. Султанбеков, Л.А. Харисова, А.А. Иванов, А.Г. Галлямова. – URL: <http://www.historytat.ru/4/179.html>, свободный.

Поступила в редакцию
03.09.10

Хазиева-Демирбаш Гузалия Сайфулловна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела лексикологии и диалектологии Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань.

E-mail: guzhaz@mail.ru